зна́ют его митрополитом только тогда, когда это сделает великий князь Московский (Московский летописный свод XV в., Новгородская 1-я, Софийская 1-я, Типографская, Львовская; в Никоновской летописи, очень много внимания уделяющей Киприану и прославляющей его, сообщается, что Киприан пришел на Русь, но не был принят великим князем, сказавшим ему: «...есть у нас митрополит Алексей, а ты почто ставишися на живого митрополита?»); в Троицкой летописи и Симеоновской, в которых отразился свод 1409 г., под этим годом упоминалось только о поставлении Киприана в митрополиты, но ничего не сообщалось о его попытках занять митрополичий стол при жизни Алексея.[48] Лишь в своде 1409 г. в рассказе о приходе в 1381 г. Киприана в Москву говорится: «И бысть в тот день у князя великаго пир велик на митрополита, и радовахуся светло» (стр. 421). Под 1382 г. в летописях рассказывается, что после Тохтамышева нахождения великий князь разгневался на митрополита за то, что он не остался во время осады в Москве, а уехал в Тверь, что явилось причиной удаления Киприана из Москвы в Киев (Воскресенская, Софийская 1-я, Типографская, Летописный свод XV в.). В своде 1409 г. также собщается о том, что в 1382 г. Киприан уехал в Киев, но ни слова не говорится о гневе на митрополита великого князя. Только в своде 1409 г. и в Никоновской летописи очень подробно описывается приход Киприана на Москву в 1390 г. и подчеркивается радость по поводу этого события князя, бояр, всего народа и духовенства. В остальных летописях сведения о приходе на Москву Киприана гораздо короче.

Под 1391 г. в летописях помещается рассказ о посещении Новгорода митрополитом Киприаном, потребовавшим у новгородцев судебных пошлин, на что они ответили отказом. В своде 1409 г. рассуждение о непокорности новгородцев подкрепляется рядом цитат из книг божественного писания, затем сразу же говорится о море в Новгороде, что опять-таки цитатой из церковно-нравоучительного текста связывается со всем рассказом: «якоже рече пророк: аще не покорятся людие, ни послушають стража, рекше учителя, кровь их на главах их, а стражь душю свою избавил есть от мукы, такым людем поведа и рече бог». Это сообщение свода 1409 г. явно полемизирует с рассказом об этом событии, читающимся в Новгородской летописи. В Новгородской 4-й летописи, в статье о посещении Новгорода Киприаном, мы читаем такую фразу: «Вшед (Киприан, — *Л. Д.*) в святую Софею, с всем своим сбором, литургию сверши, и по литургии выиде из олтаря митрополит, взем честный крест въздвизалный, и взыде на амбон, и нача учити люди новгородцкия велегласно в всю церковь; о н и ж е с л ы ш а ш а с л о в е с а е г о и п р и я ш а с о б е в с е р д ц и».[49] В своде 1409 г. этому отрывку соответствует: «И нача пети божественную литургию в святой Софеи, и по отпетьи святыа службы взем честный крест и вшед на амбон, нача учити люди новгородстии. О н и ж е н е п р и а ш а и з а т ы к а ю щ и у ш и с в о и, и ж е н е с л ы ш а т и г л а с а о б о в а ю щ а г о от премудра обавника обаваема».

Исследователи уже обращали внимание на то, что в повествовании об осаде Москвы Тохтамышем в 1382 г. в составе Троицкой и Симеоновской летописей (т. е. в списках, отразивших свод 1409 г.) явно обнаруживается литовская тенденция автора: главную роль в защите города, по этому рассказу, играет литовский князь Остей. Эта тенденция объяснялась инициативой Киприана в составлении того свода, в котором читается данный

[48] Свод 1409 г. цит. по: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.
[49] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 98